

Социальное пространство

НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЕВЫ: ЖЕНСКАЯ МОДА, ЭМАНСИПАЦИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СВОБОДА

Алиса Валериевна Толстокорова,
кандидат филологических наук, доцент,
научный эксперт Международной школы равных возможностей (Украина)
E-mail: alicetol@yahoo.com

В статье рассматриваются изменения в философии пространственного поведения украинских женщин на рубеже XIX-XX веков во взаимосвязи с гендерной демократизацией женской моды. Предлагается аналитический концепт «пространственной эмансипации женщин» – расширение социально-пространственного контекста габитуса женщин в процессе их исторического перемещения из приватной сферы в публичную в период индустриальной революции с целью достижения пространственной свободы и завоевания права на автономную географическую мобильность. Показано, как изменения в стиле одежды и моде индицируют легитимацию эмансипированной женщины в публичном пространстве вместе с изменением её телесного образа и освоением новых видов общественной деятельности.

Ключевые слова: пространственная эмансипация женщин; автономная географическая мобильность женщин; пространственная свобода; мода; приватное пространство; публичное пространство; гендерная демократизация; Украина.

УДК [911.3+316.346.2-055.2]:391.2(477)

Как-то раз супруга дофина привела к королю своего сына Франсуа и малютку Марго, которые начинали в ту пору, как то свойственно детям, лепетать, сами не ведая что.

- Вы желали видеть Адама и Еву, наших прародителей, вот они! – молвила она и, оставив детей в великом изумлении перед картиной синьора Тициана, сама села у изголовья короля, умиленно взиравшего на своих внучат.
- А кто из них Адам? – просил Франсуа, толкая локтем свою сестрицу Маргариту.
- Глупенький! – отвечала девочка. – Как же можно это узнать, раз они не одеты!»

Оноре да Бальзак. «Озорные рассказы»

Введение: гендер, мода и пространство

«Как же узнать, кто Адам, а кто Ева, если они не одеты?» – этой фразой начинается книга Елены Ярской-Смирновой [Ярская-Смирнова 2001: 4], предваряемая приведённым выше эпиграфом. В ней исследовательница рассматривает категорию «гендер» как «*символическую одежду*» пола, его «социально-культурный костюм», который – как и «*настоящая одежда*» – меняется со временем и должен следовать моде, духу эпохи и требованиям окружения. Однако в реальной жизни сам гендер, при всей его символической природе, облачается в «настоящую одежду», следующую веяниям моды. Как указывает Ж. Липовецкий, своё место в «эстетической иерархии гендеров» как один, так и другой гендер занимают в соответствии с их *внешним видом*, и здесь женщины имеют сегодня явное преимущество [Липовецкий 2003].

Взаимосвязь между этими одеждами женщины – «символической» и «реальной» – и их влияние на семантику женской красоты служат объектом исследования настоящей работы. Мы рассматриваем динамику этой взаимосвязи в условиях «текучей модерности» [Bauman 2000] с её не знающим преград обменом телами, вещами, символами и упованиями [Urry 2000]. Статья преследует *цель* проследить изменения в *философии пространственного поведения* украинских женщин в эпоху индустриальной революции на рубеже XIX-XX веков и выявить влияние этого процесса на женскую идентичность и гендерную демократизацию женской моды. *Актуальность* темы исследования диктуется во-первых, социальным заказом на концептуализацию различных аспектов *автономной географической мобильности* женщин как исторически нового явления, ставшего объектом изучения в последние десятилетия в силу усиливающейся феминизации международной миграции, отмечаемой в том числе и на Украине [Tolstokorova 2009]. Во-вторых, она определяется активизацией междисциплинарных исследований *телесности* в последнюю четверть века, во многом обусловленную тем, что тело сегодня «становится ареной событий особой значимости, свидетельствующих о тех изменениях, которые в наибольшей степени характеризуют специфику современности» [Куракин 2011: 56].

Для достижения поставленной цели мы будем использовать аналитический концепт «*пространственная эмансипация женщин*» [Толстокорова 2012]. Её мы понимаем как *расширение социально-пространственного контекста жизнедеятельности женщин в процессе их исторической релокации из приватной сферы в публичную как императива индустриализации и достижение ими пространственной свободы и права на автономную географическую мобильность*. Анализ пространственной эмансипации женщин базируется на интердисциплинарном подходе, включающем риторику социальной и женской истории, теории моды, культурной и гуманитарной географии.

Концептуальная основа нашего исследования – теория *социального пространства* П. Бурдьё, согласно которой «социальное пространство» представляет собой абстракцию, конституированную ансамблем подпространств или полей (экономического, интеллектуального и т.д.). Реализованное физически, оно представляет собой распределение в географическом пространстве различных благ и услуг, агентов и групп, локализованных, например, в качестве субъектов, привязанных к постоянному месту жительства или ареалу обитания [Бурдьё 2007: 53-54]. Так, женское социальное пространство традиционно ассоциируется с домом, семьёй, детьми, т.е. внутренней, «*приватно-демографической сферой*», детерминированной чувственностью, эмоциональностью, интимностью [Михеева 2012]. Мужчине же предписывается деятельность во внешней, *публичной* сфере производственных, корпоративных и политических отношений.

Кардинальные гендерные трансформации границ приватного и публичного связаны с эпохой *индустриализации*, давшей импульс не только техническим инновациям в обществе, но и процессам гендерного конструирования и «выхода» женщин на публичную арену. Их интеграция в сферу общественной деятельности, в частности в производственные отношения, была крайне сложным и неоднозначным процессом. Вызванная разорением помещичьих хозяйств после отмены крепостного права, она сулила выгоду, прежде всего, набирающему силу классу буржуазии – эксплуатация женской рабочей силы позволяла значительно удешевить капиталистическое производство. В то же время возрастание уровня и качества женского образования, его распространение в разных социальных слоях сказались на конструировании гендерных отношений и идеологий. В конечном итоге пересматривалось отношение к месту и роли женщины в обществе. На Украине этот процесс основывался на самопрезентации женщин в публичной сфере, главным образом, в области социальных реформ. Как указывает Л. Смоляр, на этом этапе эмансипация женщин ещё не могла вызвать существенных трансформаций гендерного порядка в обществе, но способствовала возникновению новых ролей, форм социального взаимодействия и стилей поведения, переформатируя «гендерный контракт» [Смоляр 1998]. Процесс *освоения публичного пространства* сопровождался

формированием новых социальных ценностей и норм женского поведения, а вместе с ними – и поколения «новых женщин», стремящихся «к интеллигентному труду, высшему образованию, публичной и образовательной деятельности» [Грушевский 1990]. Эти «публичные женщины» отвергали незыблемый постулат патриархального общества, утверждавший, что «место женщины – в доме», и отвоевывали *собственное место в публичном пространстве*, формируя новый имидж женщины «нового типа».

Чопины и корсеты: мода как инструмент социального контроля и эксклюзии

Итак, в патриархальном обществе физическое и социальное пространство женщины и мужчины строго *сегрегировано* на основании принципа гендерной бинарности. Античная формула «дом – мир женщины, мир – дом мужчины» не теряет своей актуальности уже несколько тысячелетий. При этом *приватное* пространство находится под покровительством и в экономической зависимости от *публичного*. Гендерные роли женщины оказываются за пределами сферы гражданственности и не обеспечивают полноправное участие в процессе принятия решений и общественной деятельности. В силу этого доступ в сферу публичного для дамы, особенно привилегированного класса, жёстко ограничен. Считается, что сам факт её нахождения за порогом дома означает физическую доступность. Соответственно, мобильность женщин в публичном пространстве строго контролируется и регламентируется обществом в целях «поддержания целостности семьи и всего общества». Исключение допускается лишь для деклассированных «падших женщин», которые именно в силу своей относительной физической свободы в публичном пространстве именуется «публичными женщинами».

Социальный контроль женской телесно-физической ипостаси чаще всего осуществляется в завуалированной форме и, как правило, не осознаётся рядовыми членами общества. Ему придаётся характер оптимальной нормы поведения (*mode of conduct*) в определённой социальной группе, а также идеала женственности или мужественности. Так власть получает от подчинённых «карт-бланш» не на основании продуманного решения просвещённого сознания, а опираясь на непосредственное и дорефлективное подчинение социализированного тела [Бурдьё 2005: 300]. Иначе говоря, социальный контроль принимает характер «моды», «как постоянного и с позиций разума недостаточно объяснимого стремления к изменению всех форм проявления культуры» [Кибалова и др. 1988: 11].

Мода как влиятельный социально-экономический институт востребована обществом, поскольку неукоснительное следование ей даёт «пропуск» в высшие слои определённого сословия. Исторически социальный контроль пространственной свободы женщины осуществлялся через «приёмы дисциплинирования тела» [Лебина 2007], которые могли приобретать весьма изощрённые и даже жестокие формы. Так, в буддистском Китае этой цели служила традиция «бинтования ног». В результате «ноги лотоса» деформировались и практически теряли свою функциональность, исполняя исключительно декоративную функцию (см. *рис. 1*) [Ко 2005].

Традиционной и весьма утонченной формой подспудной регламентации пространственной свободы женщины служат *каблуки*. Исследователи подметили, что мода на них непосредственно зависит от социального заказа на массовое присутствие женщин в публичном пространстве, в частности, в составе рабочей силы [Bates et al. 1983]. Так, в США и Европе после Второй мировой войны, когда мужчины стали возвращаться на свои рабочие места, занятые на период войны женщинами, последние стали лишними на рынке труда. Поэтому всячески поощрялся уход женщин с работы и возвращение к семье и дому. Именно в этот период в моду входят высокие каблуки, ограничивающие физическую свободу женщины. После десятилетий популярности удобной и комфортной обуви следующая волна интереса к каблукам со стороны индустрии моды приходится на годы консервативной реакции конца 1970-х годов.

К каблукам и платформам как формам *регламентации женской свободы передвижения* прибегали всегда и везде. Специалисты в области истории костюма используют слово «чопины» (*chopines*) для обозначения обуви на платформе и каблуках, распространенной в Европе в XIV-XVII веках [Вианелло 2012]. В Маньчжурии эти громоздкие и неудобные каблуки достигали иногда 25 см в высоту. Затем мода на них перекочевала в Европу. Они прижились в Испании, где получили название «цоколлы» или «альбарка», а в Венеции в качестве «чополлы» выросли до полуметра (см. *рис. 2*). Обувь этого типа была распространена среди аристократок в Турции и Марокко («кабкабы» и «налины»), Германии и Англии (металлические «паттены»).

Рис. 1. Китайская обувь и «нога лотоса»

Рис. 2. Венецианские каблуки

Считается, что «очевидное физическое неудобство от платформ и туфель на высоких каблуках нередко компенсируется ощущением стильности, эротичности и сопровождается душевным подъемом» [Вайнштейн 2004]. В тоже время в физическом плане передвижение на таких «ходулях» – особенно по узким мощёным улицам средневековых городов – весьма затруднено. Поэтому женщине требовались сопровождающие, поддерживающие её «под

руки» – следовательно, она всегда находилась под чьим-то наблюдением. Очень скоро то, что сначала было лишь удобной практикой безопасного поведения в общественных местах, приобрело характер предписания, поведенческого кодекса и стало – «интеракционным порядком» [Gofman 1963], *нормой взаимодействия женщины с окружающим её пространством*.

Знатная дама уже просто не имела права появляться на улицах города без сопровождения. Если она и выходила из дома, то только для светских развлечений и посещения магазинов в компании кого-то из домашних. Одинокая женщина в пути вызывала подозрения любого мужчины; её могли остановить и спросить, почему она не находится дома [Касьмова 2012]. Автономное передвижение женщины вне дома стало нелегитимным. Оказавшись по каким-либо причинам в одиночестве в публичном пространстве, женщина вынуждена была *скрывать* свою идентичность – чадрой (на мусульманском Востоке), вуалью (в ряде стран Европы), мантилей (в Испании и Латинской Америке) или даже маской (в Венеции). Интересно, что к женщинам простых сословий, зарабатывающих на жизнь физическим трудом, такие требования не предъявлялись. Даже в более поздний период модернизации это явление не изжило себя. Например, даже в модернизированном Буэнос-Айресе женщине из «приличной семьи» не полагалось появляться за пределами дома одной. Если же она на это отваживалась, то непременно сталкивалась с недоброжелательными взглядами и даже освистыванием [Feu 2000].

Менее экзотичной, но не менее эффективной формой социального контроля свободы и мобильности женщин был *покрой одежды и аксессуаров*. Одежда не только предопределяет идеологию различения женщин и мужчин, но и в буквальном смысле ограничивает физическую свободу женщин [Bates et al. 1993]. У европейских женщин рестриктивную функцию выполняли тяжёлые корсеты из стали и китового уса, громоздкие кринолины, огромные шляпы с широкими полями и нагромождением перьев и других украшений (см. *рис. 3*). Длинное японское кимоно, состоящее из двенадцати и более частей, сконструировано так, что его сложно надевать и носить, не прибегая к услугам служанки, а с волочащимся по полу подолом далеко не уйти (см. *рис. 4*).

Рис. 3. Церемониальный наряд, Париж (1774-1789) Рис. 4. Японское женское кимоно

Кринолины и корсеты сковывали свободу женщин и обрекали их на существование в *особом пространстве*. Так, кринолин требовал больших помещений, специальных стульев и столов. Легкий металлический каркас делал юбку настолько подвижной, что дамы всех возрастов были вынуждены привязывать обручи к коленям надежными шнурками, становясь рабынями своих юбок. Чтобы надеть кринолин или корсет, требовалась помощь горничной; сложные причёски из кос и локонов также нельзя было сделать самой. Это неудобство ещё более сказывалось в карете, где наряд дамы занимал даже больше места, нежели она сама (см. рис. 5) [Кирсанова 2003, 2011].

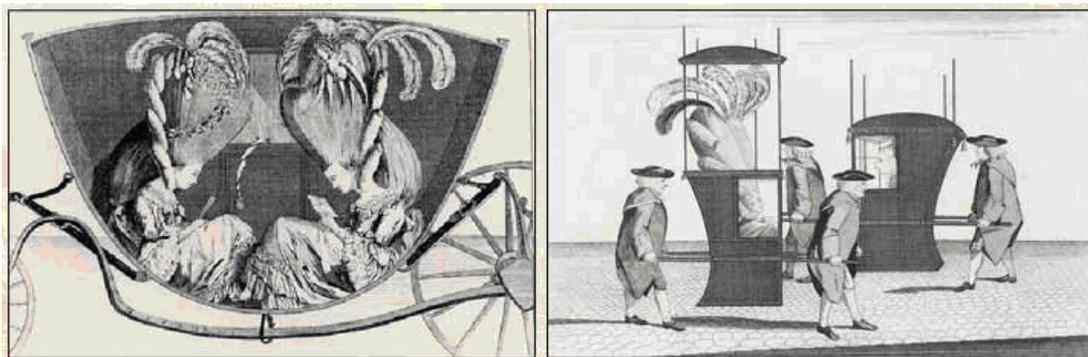

Рис 5. Карикатуры на причёски XVIII века

Хотя длинные юбки, сложные причёски, кринолины и корсеты воспринимались многими современниками как признаки женского рабства и причины болезней [Стил 2010], мода на них держалась с эпохи Возрождения вплоть до 1920-х годов [Дзеконьска-Козловска 1977].

Считается, что одежда конструирует культурный идеал пассивности и декоративности женщины. Этой цели служили, например тоненькие «осиные» талии и округлые силуэты женской одежды викторианской моды, которая к тому же зажимала руку женщины в такие узкие, обтягивающие рукава, что резкие жесты в них были практически невозможны [Bates et al. 1993]. В таком неудобном облачении минимальная подвижность была самым разумным способом поведения для дам. А если при этом на их головах размещались целые композиции (доходившие иногда до одного метра в высоту) из птиц, статуй, кораблей и даже мини-садов с крошечными искусственными деревьями (см. рис. 6, 7), то передвижение их счастливых обладательниц существенно затруднялось [Кибалова и др. 1988].

Рис. 6. Причёска-фрегат

Рис 7. Карикатура на причёски XVIII века

Рис. 8. Рогатая великорусская кичка [Зеленин 1926]

Нелегко было передвигаться и женщине, одетой в традиционный славянский головной убор, именуемый сорокой или кичкой. Он состоял из 8-12 деталей и весил до 19 фунтов (около 8 кг; см. рис. 8) [Зеленин 1926]. Эти и подобные приспособления лишали особу женского пола возможности самостоятельного передвижения за пределами домашней сферы и фактически ограничивали её жизненное пространство *приватным* [Dworkin 1983].

В Российской империи особую роль в социальном контроле пространственной жизни играла униформа. Так государство регламентировало частную жизнь человека на самом интимном – телесном – уровне практически тотально. Примером может служить школьная форма учениц Смольного института и Воспитательного общества благородных девиц в Петербурге. Здесь девочек на двенадцать лет отделяли от пространства домашней семейной жизни, помещая в закрытую среду и сводя к минимуму с внешним социумом. Обязательной

деталью институтского дисциплинарного пространства была особая форменная одежда определённого цвета для каждой из возрастных групп воспитанниц. Она выполняла не только репрезентативную функцию, но, прежде всего, отгораживала девочку от её собственного жизненного мира. Ношение формы имело пространственно-рестриктивный символизм: оно обозначало пересечение будущей женщиной границы домашнего круга и переход в городской, официальный, но такой же закрытый мир института [Зиновьева 2012].

Гипертрофированной формой подобного ограничения жизненного пространства женщины стало вынужденное затворничество в женской части дома, покидать которое она могла только с разрешения отца или мужа [Fay 2012]. Оно было призвано оберегать даму не только от превратностей внешнего мира, но и от постороннего мужского взгляда. Уделом знатной флорентийки эпохи Возрождения было взирать на мир через узенький раствор окна в своей комнате [Weddle 2001]. Оттоманская турчанка изучала внешний мир лишь сквозь кружевные занавески окон гарема [Uraz, Gülmez 2005]. Затворницы богатых теремов были характерным явлением и среди славянской знати допетровской Руси. «Пурда» как метод пространственной эксклюзии женщин широко практиковалась аристократией Индии, Персии, Византии и некоторых мусульманских стран [Minturn, Kappor 1993].

Существенные изменения в отношении общества к свободе пространственного поведения женщины начинаются в период *модернизации*. Главными ценностями «Фаустовской цивилизации» [Шпенглер 1993] стали индивидуальная свобода выбора во всех сферах жизни и рациональность. Веберовский принцип «тотальной рационализации общества» отразился, прежде всего, на материальной культуре эпохи в виде физических форм проявления нового права – *свободы передвижения женщины в общественном пространстве*.

Бокс и туризм: телесно-физическая эмансипация женщин

С началом индустриальной революции в ряде регионов мира начали рушиться социальные и культурные нормы, поддерживавшие стратификацию поведения и потребления [Панарин 2012: 6]. Это открыло перед женщинами новые возможности, среди которых завоевание *права на мобильность* стало «исключительным достижением» [Braidotti 1994]. Стремление к пространственной эмансипации проявлялось в их увлечении различными новыми видами телесно-двигательных практик, физкультурой и спортом. Этому способствовало то, что во второй половине XIX в. спорт (теннис, катание на велосипедах, санях, лыжах, коньках) занял главное место среди общественных развлечений горожан. Особую популярность приобрело плавание [Колесникова 2010].

История вовлечения женщин в спорт содержит затяжную борьбу с гендерными предрассудками, дискуссии об интеллектуальной и биологической несостоятельности и неприемлемости нового «маскулинного» образа женщины-спортсменки. Исторически, женщинам была отведена роль «полуинвалидов» [Алябьева 2004] с весьма ограниченными физическими и интеллектуальными возможностями. Миф об ограниченных возможностях «слабого пола» и традиционные представления о феминности значительно затрудняли достижение гендерного равенства в сфере физической и спортивной активности [Истягина-Елисеева 2000], оставляя женщину в рамках строго регламентированных «свободных упражнений» [Мельникова 1998]. Телесно-физическая эмансипация выражалась в стремлении женщин осваивать новые виды спорта, например, лёгкую атлетику и бокс (см. *рис. 9*).

Доказывая своё право и способность заниматься различными видами спорта, женщины встречали непонимание как со стороны большинства своих неспортивных сограждан, так и в лице основателей современного олимпийского движения [Мягкова, Истягина-Елисеева 1998]. Тем не менее, в середине 1920-х годов возрастающие пропагандистские усилия дали первые результаты. Так, если первая Всеукраинская олимпиада 1921 г. была сугубо мужской, то уже через семь лет в Украинской ССР на 205 тыс. атлетов приходилось 90 тыс. женщин [Кобченко 2010: 106].

Рис. 9. Женский бокс

Таким образом, пространственно-физическая эмансипация женщин превратилась в «процесс преодоления барьеров «общепринятой морали»» [Suchmiel 2006: 549]. Одной из форм проявления этого тренда стало увлечение женщин т.н. «пространственной коммуникацией» – независимым *туризмом*. Этому способствовали расширение сети железных дорог и развитие туристического бизнеса, совпавшее по времени с первой волной женского движения. Подобный способ реализации права на свободу передвижения был вызовом общественному мнению, не поощрявшему стремления женщин к пространственной независимости, особенно в публичном пространстве. Тенденция совершать длительные путешествия самостоятельно и особенно – отражать свои дорожные впечатления в мемуарах и путевых записках [Беглые... 2010] – означала радикальную трансформацию в социальном положении женщин. На общественную сцену выходит целая плеяда женщин-путешественниц, среди которых – уроженка Екатеринослава (ныне – Днепропетровск), популярный религиозный философ Елена Петровна Блаватская (1831-1891). В период 1849-1875 гг. она практически осуществила троекратное кругосветное путешествие.

Однако, женщинам приходилось путешествовать по горам, лесам и пустыням в громоздкой, тяжёлой одежде – длинных юбках с кринолинами, тяжелых широкополых шляпах со множеством украшений, туфлях на шпильках, что не только неудобно, но и небезопасно. Это ставило на повестку дня необходимость реформирования не только стиля женской одежды и аксессуаров, но и всей *философии её телесности*, её индивидуального пространственно-физического мира. Социальный заказ на реформу женского гардероба удачно совпал с бурными техническими инновациями периода индустриализации. Его реализации во многом способствовало конструктивное усовершенствование швейной машины популярной фирмы «Singer». К концу столетия компания имела шесть фабрик в России и несколько филиалов на Украине. Магазины швейных машин фирмы «Singer» размещались в Киеве, Виннице, Житомире, Ромнах, Бердичеве, Ровно и Чернигове [Вільшанська 2007]. Это новшество буквально вызвало революцию в практике швейного дела. Оно предопределило массовость в культуре одежды и способствовало либерализации и гендерной демократизации женской моды.

От корсета до макияжа: осваивая публичное пространство

Интеграция в общественное пространство и обретение в нём пространственной независимости отразились на мировоззрении городской женщины среднего класса. Изменилось восприятие собственной личности, роли в семье и обществе и – соответственно – своего

телесно-физического образа. Возникло представление об образованной, независимой, самодостаточной «бизнес-леди». Свобода в выборе гардероба стала тождественной свободе в выборе образа и стиля жизни. Одежда стала одним из основных средств *пространственной эмансипации*.

К концу XIX в. в индустриальных странах набирает силу движение за «викторианскую реформу» женской одежды [Волкова 1899]. Её целью был отказ от громоздких одеяний, ограничивающих движения [Roberts 1977]. В Англии пользовалось популярностью «Общество рациональной одежды», организованное в Лондоне в 1881 г. Позже его филиалы открылись и в США. Целью общества была борьба за освобождение женщин от неудобного, обременительного облачения, воспринимаемого «как символ порабощения женского ума» [Bates et al. 1983]. В основе идеологии реформисток лежала критика корсетов и женской моды Жан-Жаком Руссо, его этика «возврата к природе» и классические принципы в одежде [Kunzle 1977]. Они предлагали реформировать женский костюм, сделав его таким же функциональным, как и мужской; заимствовав из него некоторые элементы – прежде всего, брюки. В 1900 г. физиолог Инес Гаше-Саррот предложила использовать реформированный гигиенический корсет [Gaches-Sarraute 1900]. Он не сжимал грудь и желудок, а опирался лишь на нижнюю часть туловища (см. *рис. 10*). Она же предложила носить бюстгальтер. Её проект был апробирован в парижской Медицинской Академии.

В этот же период в моду входит «блумеровский костюм» – гимнастические штаны до колен с резинкой или на застёжке (см. *рис. 11*), изобретённые американской путешественницей Элизабет Смит Миллер. Своё название они получили от имени американской суфражистки, издательницы женского журнала «Лилия» и одной из инициаторов «реформы женской одежды» Амелии Блумер.

Рис. 10. Инес Гаше-Саррот в разработанном ею «реформированном корсете»

Рис. 11. Блумеровский костюм

Реформа получила поддержку и среди украинского женского студенчества, хотя «блумы» не получили распространения, поскольку они воспринимались как признак мусульманской идентичности. На улицах университетских городов России и Украины женщины в панталонах не были частым явлением, а единичные сторонницы этой «гаремной моды» вызывали «значительно больше волнений толпы и приводов в участок, чем во время революционных событий 1905 года» [Киркевич б.г.]:

На Бибикивском бульваре (сейчас бульвар Шевченко) между Пироговской и Нестеровской улиц появились две дамы, привлёкшие внимание публики странностью своего наряда. При ближайшем рассмотрении это оказалось пресловутыми дамскими шароварами. Через несколько минут вокруг модниц собралась большая толпа, с любопытством рассматривающая их. Послышались неприятные для дам возгласы и бедным мученицам моды ничего не оставалось, как укрыться в подъезде ближайшего дома [Киркевич б.г.].

Тем не менее, брюки постепенно начали завоёвывать популярность. Став более демократичной, женская одежда максимально приблизилась к мужской. Во второй половине XIX в. к дамам в брюках относились уже более лояльно, чем в древние времена, но в общественные места всё же не пускали.

«Борьба за штаны» как символ власти шла между мужчинами и женщинами начиная с XIII в. [Metken 1996]. Важным фактором популярности брюк в конце XIX в. стало распространение велосипедного спорта среди городских женщин среднего класса. Полы длинных платьев заплетались в спицы, а модные в то время шиньоны растрёпывались на ветру. Когда велосипеды стали обычным явлением на улицах городов, женщины надели брюки и сели за руль. Впрочем, поначалу это могли себе позволить только дамы высшего общества. Когда же велосипед стал рабочей необходимостью – как, например, для разносчиц писем, молока или белья из прачечных – они вопреки протестам и предрассудкам тоже надели брюки и отвоевали свое право на свободу передвижения (см. рис. 12). Так популярность велосипедов способствовала окончательному отказу от моды на шиньоны и локоны [Демиденко 2007].

Рис. 12. Дамский велосипедный костюм

Другой важной причиной популярности трико и брюк среди городских работниц было их участие в машинном производстве. Работа с техническим оборудованием требовала сноровки, высокой подвижности и физической раскованности. Длинные юбки и узкие рукава женских платьев, сковывавшие движения, была причиной высокого травматизма и, соответственно, более низких заработков. Безопасность труда на фабриках и заводах требовала трансформации гардероба работниц. Трико и штаны стали самой рациональной и практичной формой решения этой проблемы.

С появлением автомобильного спорта мода городских женщин стала ещё более гендерно-демократичной. Она заставила их окончательно отказаться от корсетов и создала популярность широким коротким пальто, кожаным курткам, свитерам и гольфам (см. *рис. 13*).

Рис. 13. Киевская автомобилистка

В 1896 г. в женскую программу Олимпийских игр был включён теннис, и спортсменки выходили на поле в модных платьях, затянутых в корсет. Это было крайне неудобно для женщин, и вскоре им разрешили выступать в юбке и кофте. Любители лыжного и конькобежного спорта долгое время специальной спортивной формы не имели. Женщины катались в длинных юбках, полупальто и больших шляпах. Только в 1920-1930-е годы юбкам с кринолинами пришли на смену узкие трико до колен.

Самые оживлённые споры вызвал *купальный костюм*. Плавание становилось всё более модным городским развлечением, а мода на семейный отдых у моря требовала реформы купальных костюмов в сторону большей открытости и удобства [Вайнштейн 2004]. Кардинальные изменения в пляжной моде начались в конце XIX в., когда плавание стало олимпийским видом спорта.

Первый купальный костюм представлял собой длинный халат с большим количеством оборок у шеи и пышными рукавами. Обязательными его деталями были плотное бельё, чулки, матерчатые туфли или сапожки, а иногда в придачу – чепец. Это было очень непрактично, и самые решительные женщины заменили его на укороченное платье с корсетом на манер комбинезона, а затем перешли на тунику, стянутую у талии, и короткие штанишки. Такой эпатажный пляжный костюм было принято украшать множеством лент, пуговиц, бантиков, вышивок или аппликаций; а в руках полагалось держать зонтик от загара. В начале

1920-х годов появились первые трикотажные купальники, но они настолько плотно облегли фигуру, что даже самые отважные модницы ещё долго не решались показываться в них на глаза негодующей публике (см. *рис. 14*).

Таким образом, с изменением социальных функций, телесных практик и повседневного быта городских женщин в конце XIX в. в дамский костюм проникает стиль *модерн*. Деловая внешность женщин, которые уже могли позволить себе и работать, и путешествовать, и заниматься спортом, предусматривала соответствующую *удобную* одежду. Пересмотр общественных взглядов на роль женщины и идеалы феминности привел к отказу от подчеркнуто женского силуэта.

В дамском гардеробе появляется «костюм-тальер», давший начало новому стилю одежды работающей женщины. Он состоял из жакета и юбки и кроился из практичных тканей тёмных тонов: сукна, шерсти, драпа (для зимы) или парусины, хлопка, шёлкового полотна (для лета; см. *рис. 15*).

Журнал мод писал о нём: «Уродливость современной моды – бесспорна. Жалкие узкие костюмы-тальер, тёмные, скромные, стесняют, спутывают ноги» [Вильшанська 2007]. Тем не менее, со временем он стал неотъемлемой частью гардероба работающей женщины. Несколько позже получил распространение его упрощённый вариант: комплект из тёмной юбки и закрытой белой блузки. Так одевались учительницы, секретарши, телефонистки, стенографистки, владелицы маленьких бизнесов (например, швейного ателье или кондитерской лавочки). Женщины, обладавшие некоторым достатком, могли дополнить такой комплект женственным жакетом типа спенсера или болеро.

Однако такой костюм создавался вовсе не для работы в офисе, а для путешествий – поначалу тальер надевали только для путешествий, прогулок и езды на велосипеде. Иными словами, это был предвестник современного «спортивного стиля» [Корзина 2009].

Таким образом, осваивая публичное пространство конце XIX в., образованные женщины среднего класса подвергли гендерной адаптации тренд, известный в истории моды как «великий отказ мужчин» [Харви 2010]. Цвет превратился в орудие гендерной дифференциации, чётко отделив «светлых» (по тону одежды) женщин от «тёмных» мужчин, вынужденных по роду занятий вращаться в большом «нечистом» мире и одетых в чёрные официальные костюмы. Когда строгий костюм стал частью гардероба образованной женщины, цвет утратил свой статус маркера пола.

Рис. 14. Купальный костюм.

Рис. 15. Костюм-тальер из мастерской Джона Редферна (1903)

Рис. 16. Н. А. Ярошенко «Курсистка» (1883 г., Киевский музей русского искусства)

Лишённая привычной эстетики «новая мужская мода» [Кирсанова 2003] студенток и курсисток была формой демонстрации их общественных взглядов и социальных предпочтений. Репутация украинской «институтки» или «курсистки» последней трети XIX в. соответствовала обобщённому образу европейской образованной женщины того времени: нон-конформистские взгляды, экстравагантное поведение, «мужские манеры» [Daskalova 2006]. Само понятие «институтка» для современников имело негативную окраску, и воспринималось как «девушка, не приспособленная к реальной жизни», «кисейная дама» (см. рис. 16) [Вороніна 2005]. Она изображалась как «нигилистка»: коротко остриженная мужеподобная особа, некрасивая и неопрятно одетая, с резкими движениями, очками на носу и сигаретой в зубах (см. рис. 17). Современники отзывались о ней так: «По наружному виду какой-то гермафродит, по нутру – подлинная дочь Каина» [Жидкова 1997: 90]. Женская красота того времени характеризовалась как «упадочная», болезненная, утверждающая андрогинный, бисексуальный тип, однако для женщин она означала «истинную свободу» [Пономарева, Хорошилова 2000].

Переосмысление стандарта феминности и его воплощение в образе «новой, эмансипированной женщины» не всегда воспринималось доброжелательно патриархальным обществом. «Женский вопрос» воспринимался как одно из проявлений социальных болезней общества. Упорное неприятие эмансипации толкало молодых девушек на ещё более эпатажное поведение. Хотя «институтки» были немногочисленны, сам факт их присутствия в публичном пространстве общества свидетельствовал о том, что образованная женщина обрела в нём status quo и стала полноправной гражданкой.

Существенное влияние на пространственную эмансипацию женщин и гендерную демократизацию их имиджа оказала Первая мировая война и связанные с ней общественные перемены. Женщины вышли на рынок труда, чтобы занять рабочие места, освободившиеся после ухода мужчин на фронт. Этот беспрецедентный в истории процесс массовой занятости женщин в индустриальном производстве вызвал стремительный культурологический сдвиг, который «коснулся такой парадигматической в культурном смысле составляющей как внешний облик» [Травин 2008: 215].

Рис. 17. Типы курсисток (киевский карикатурист Федор Кадулин)

Именно в военные годы как в западной, так и в восточной Европе начали значительно укорачиваться женские юбки [Баст 1985]. Окончательно исчезли корсеты, упростился крой, появились функциональные застёжки и детали, заимствованные из форменной одежды. В 1920-х годах вошёл в моду гротескный стиль *à la garçon* («под мальчика») по названию популярного романа Виктора Маргерита (1921, в русском переводе – «Холостячка»). Он положил начало процессу маскулинизации женской одежды и женского имиджа [Бар 2012]. Женщины стали надевать пиджаки, сорочки, галстуки, шляпы и кашне. Отмечается всплеск массовой моды на короткие женские стрижки [Дзеконьска-Козловска 1977; Здатни 2007] и на употребление табака [Starks 2013] как «некий социальный акт отречения от рутинного прошлого» [Лебина 2007]. В СССР подобный дефеминизированный тип женщины был представлен образами *комиссарши* и *физкультурницы*. Внешняя маскулинизация этих образов служила, во-первых, цели манифестации гендерного равенства [Кобченко 2010: 107], во-вторых – формированию «коммунальных тел», наиболее удобных для разного рода управленческих манипуляций [Рыклин 1992] и, наконец, в-третьих – «коммерческой эксплуатации женщин в сфере физического облика» [Здатни 2007].

Пространственной эмансипации способствовало введённое во время войны совместное обучение молодёжи, легитимировавшее появление женщины в публичном пространстве с *раннего возраста*. Работающая дама начала самостоятельно посещать рестораны, бары и другие общественные места, вход в которые без сопровождения ей был ранее закрыт. Так, во время войны женщины впервые были допущены в знаменитый бар парижского отеля «Ритц» [Здатни 2007]. Исчезла домашняя изоляция. В художественной литературе с лёгкой руки В. Маргерита развивается темы «холостячки», живущей отдельно от семьи и по своим законам, далёким от моральных норм того времени.

Окончательная легитимация женщин в публичном пространстве вместе с обусловленной выходом на рынок труда финансовой состоятельностью стимулировали стремление к саморепрезентации. Это проявлялось в появлении моды на использование косметики и макияжа, которую объясняют желанием женщин выглядеть моложаво, чтобы выдерживать конкуренцию на рынке труда [Москалец 2011], и в то же время сохранять семью [Липовецкий 2003].

Заключение: «новое платье королевы»

На протяжении всей истории современной цивилизации *основным пространством женской социализации было частное*. Присутствие женщин в публичном пространстве не приветствовалось патриархальным обществом, а возможности гражданской самореализации ограничивались сферами культуры, образования, благотворительности.

Новые общественно-экономические условия, сложившиеся во второй половине XIX – начале XX вв., предоставили женщинам доступ к технологическим и транспортным инновациям, рынку труда, общественной деятельности и спорту. Расширение пространственного контекста жизнедеятельности женщин в публичной сфере было вызвано целым рядом экономических, морально-этических, социо-культурных и дидактических факторов [Толстокорова 2013]. В русле этих общемировых тенденций трансформировался телесно-физический имидж женщины, изменилась *философия её пространственного поведения*.

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на сопротивление общества, на рубеже XIX – XX веков украинские городские образованные женщины смогли отстаивать свои права на независимую географическую мобильность, свободу пространственно-физического самовыражения и *социальную включённость в публичное пространство*. Образно говоря, *выйдя из частного пространства в публичное*, «королева» потребовала новое платье, более простое и функциональное, в соответствии с её новыми функциями. Облечившись в него, она утратила своё несомненное превосходство в «эстетической иерархии гендеров», поскольку её внешний облик приблизился к мужскому. Взамен она приобрела бесценные «украшения» к своему новому облику: права на *пространственное самоопределение, автономную географическую мобильность и пространственно-физическую свободу*.

Литература

Алябьева Л. Как воспитать «организатора совершенного дома и будущую мать крепких и красивых детей»: дискуссии о женщине и спорте в викторианской Англии // Новое литературное обозрение 2004. №70. С. 94-128.

Бар К. Осторожное распространение брюк (1914–1960 годы) // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2012. №24. С. 68-70.

Баст М.В. Одежда горожан. Женский костюм – Россия 1914-1917 гг. // Сценическая техника и технология. 1985. №6. С. 20-26.

Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сб. ст. / Пер. с нем. Г.А. Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Сост., общ. ред., пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя; 2005.

Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр., отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя; 2007.

Вайнштейн О. «Банты, рюши, цветы и кокарды»: теоретические и политические аспекты моды // Неприкосновенный запас. 2004. №5(37). С. 88-95.

Вианелло А. Благородная дама или куртизанка? Венецианские чопины в эпоху Ренессанса // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2012. №25. С. 111-132.

Вільшанська О. П. Мода у повсякденному житті міського населення України кінця XIX - початку XX ст. // Проблеми історії України XIX - початку XX ст. Вип. XIV. К.: Ін-т історії України НАН України, 2007. С. 309-322.

Волкова М.М. Гигиена, красота и реформа женской одежды: двѣ лекции. СПб.: Тип. Дома призрѣн. малолѣтн. бѣдн., 1899.

Вороніна М. Мешканки міст харківської губернії: гендерна дискримінація та динаміка змін (1861-1917 рр.): Дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2005.

- Грушевський М. Наталія Кобринська // Літературно-науковий вісник. Т. IX. Львів, 1990. С. 3-5.
- Демиденко Ю. «Я верю в бородатых мужчин и длинноволосых женщин...» // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2007. №4. С. 63-82.
- Дзеконьска-Козловска А. Женская мода XX века. М.: Лёгкая индустрия, 1977.
- Жидкова Е. «Свою личную драму она обобщила и выступила на защиту женщины вообще» (первые русские феминисты и женский вопрос) // Преображение. 1997. №5. С. 88-96.
- Зеленин Д. Женские головные уборы восточных (русских) славян. Главы 1-7 // Slavia. 1926. Rocnik V. Sesit 2. S. 303-338.
- Зиновьева Л. Форма образа: Форменный костюм российской школьницы в прошлом и настоящем // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2012. №26.
- Здатни С. Стрижка под мальчика и свободная женщина: Идеология и эстетика женской причёски // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2007. №4. С. 83-118.
- Истягина-Елисеева Е.А. Женская эмансипация как фактор развития международного физкультурного спортивного движения 1860-1920 гг. // Теория и практика развития физической культуры. 2000. №6. С. 9-12.
- Касымова С. Таджикские женщины в трудовой миграции: вынужденная тактика выживания или выбор свободных женщин? // Этнографическое обозрение. 2012. №4. С. 68-81.
- Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артня, 1988.
- Киркевич В. Женщины в шароварах и мужчины без оных // Интернет-проект «Вашь Київ». Б.г. http://www.oldkiev.info/moda/jenshini_v_sharovarax.html.
- Кирсанова Р. Нигилистка // Яблоко: Газета для женщин и не только для них. 12.12.2003. <http://goo.gl/U2BT4>.
- Кирсанова Р. Жираф и шапокляк // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2011. №22. С. 302-306.
- Кобченко К. Емансипація по-радянськи: жінки в фізичній культурі та спорті в СРСР у 1920-1930 рр. // Українознавчий альманах. 2010. Вип. 4. С. 104-113.
- Колесникова Т. Европейская повседневная культура 19 века // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 2(17).
- Корзина З. Дамский дресс-код в зеркале времени // Lady@Mail.ru. 14.11.2009. <http://goo.gl/V910I>.
- Куракин Д. Модели тела в современном популярном экспертном дискурсе: к культуросоциологической перспективе анализа // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № -2. С. 56-74.
- Лебина Н. Волосы и власть: советский вариант // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2007. №4. С. 119-130.
- Липовецкий Ж. Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности / Пер. фр. Н.И. Полторацкой. СПб.: Алетейя, 2003.
- Мельникова Н.Ю. Женский олимпийский спорт. Состояние и перспективы // Юбилейный сборник трудов ученых РГАФК, посвященный 80-летию академии. М., 1998. Т. 3. С. 85-91.
- Михеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012.
- Москалец В. Роль косметичних практик у формуванні образу «нової жінки» в 1920-х роках у Галичині // Українознавчий альманах. 2011. Вип. 6. С. 124-127.
- Мягкова С.Н., Истягина-Елисеева Е.А. Развитие женского спорта в России на рубеже XIX – XX столетий // Физическая культура и спорт – проблемы, задачи и решения. Воронеж, 1998. С. 136-142.
- Панарин С.А. От редактора // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур: Материалы Междунар. семинара, Суздаль, 15-17 ноября 2011 г. / Отв. ред. С.А. Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 6-15.

- Пономарева В., Хорошилова Л. Русское женское образование в начале XIX-го века: приобретения и потери // Мир истории: женский взгляд. 2000. №6. С. 22-48.
- Рыклин М. Тела террора // Вопросы литературы. 1992. Вып. 1. С. 130-147.
- Смоляр Л. Минуте заради майбутнього. Жіночий рух наддніпрянської України II пол. XIX – поч. XX ст. Сторінки історії. Одеса: Астропринт, 1998.
- Стил В. Корсет / Пер. с англ. М. Маликовой. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Толстокорова А.В. Пространственная эмансипация украинских женщин как способ освоения публичного пространства // Культура и искусство. 2012. №5(11). С. 46-58.
- Толстокорова А.В. Роль пространственной эмансипации в формировании гендерной идентичности украинских образованных женщин (конец XIX – начало XX вв.) // NB: Культуры и искусства. 2013. №1. С. 92-146.
- Травин И.И. Что дала эмансипация, или о чём не говорят феминистки // Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти В.Б. Голофаства / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Бильбо, 2008. С. 213-217.
- Харви Дж. Люди в чёрном / Пер. с англ. Е. Ляминой, Я. Токаревой, Е. Кардаш. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М.: Мысль, 1993.
- Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: очерки гендерных исследований. М.: ИНИОН; Саратов: ЦСПГИ СГТУ, 2001.
- Bates Ü.Ü. et al. Women's realities, women's choices. An introduction to women's studies. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1983.
- Braidotti R. Nomadic subject: Embodiment and sexual differences in contemporary feminist theory. N.Y.: Columbia University Press, 1994.
- Bauman Z. Liquid modernity. Cambridge: Polity, 2000.
- Daskalova K. Bulgarian women's movement // Women's movements: Networks and debates in post-communist countries in the 19th and 20th centuries. Köln–Weimar–Wien: Böhlau, 2006. P. 413-437.
- Dworkin A. Right-wing women: The politics of domesticated females. L.: The Women's Press, 1983.
- Fay M.A. Unveiling the harem: Elite women and the paradox of seclusion in eighteenth-century Cairo. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2012.
- Fey I. Frou-Fous or feminists?: Turn-of-the-century Paris and the Latin American woman // Strange pilgrimages: Exile, travel, and national identity in Latin America, 1800-1990's / Ed. by Fey I. E., Racine K. Wilmington, DE: Scholarly Resources, 2000. P. 81-94.
- Gaches-Sarraute I. Le Corset. Étude physiologique et pratique. P.: Masson et c^{ie}, éditeurs libraires de l'académie de médecine, 1900.
- Gofman E. Behavior in public places: Notes on the social organization of gatherings. N.Y.: The Free Press, 1963.
- Ko D. Cinderella's sisters: A revisionist history of footbinding. Berkeley, CA: University of California Press, 2005.
- Kunzle D. Dress reform as antifeminism: A response to Helene E. Robert's «The Exquisite slave: The role of clothes in making the Victorian woman» // Signs. Journal of Women in Culture and Society. 1977. Vol. 2. №3. P. 570-579.
- Metken S. Der Kampf um die Hose. Geschlechterstreit und die Macht im Haus. Die Geschichte eines Symbols. Frankfurt: Campus, 1996.
- Minturn L., Kappor S. Sita's daughters. Coming out of purdah. The Rajput women of Khalapur revisited. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Roberts H.E. The Exquisite slave: The role of clothes in the making of the Victorian woman // Signs. Journal of Women in Culture and Society. 1977. Vol. 2. №3. P. 554-569.
- Starks T. A community in the clouds: Advertising tobacco and render in pre-revolutionary Russia // Journal of Women's History. 2013. Vol. 25. №1. P. 62-84.

Suchmiel J. Books and periodical on the women's movement and a changing model of a women's education on Polish territories at the turn of the nineteenth century // Women's movements: Networks and debates in post-communist countries in the 19th and 20th centuries. Köln–Weimar–Wien: Böhlau, 2006. P. 541-557.

Tolstokorova A. Who cares for carers?: Feminization of labor migration from Ukraine and its impact on social welfare // International Issues & Slovak Foreign Policy Affairs. 2009. Vol. XVIII. №1. P. 62-84.

Uraz T.U., Gülmez N.Ü. From “Inside” to “Outside”; from “Clan” to “City” // Kadin/Woman 2000. Journal for Women's Studies. 2005. Vol. 6. №1. P. 29-47.

Urry J. Sociology beyond societies. Mobilities for twenty-first century. L.: Routledge, 2000.

Weddle S. Women's place in the family and the convent: A consideration of public and private in Renaissance Florence // Journal of Architectural Education. 2001. Vol. 55. №2. P. 64-72.